

Крупкин П.Л.

*Центр изучения Современности
Москва, Россия*

Истомин А.Г., Лебедев С.Д.,

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

РОССИЙСКИЕ ЛОКАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ФУНКЦИОНАЛЬНО-САКРАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ

В институциональном обществоведении существует теория, рассматривающая зависимость качества социальных институтов от того, как соотносятся друг с другом активности сообществ двух типов: «замкнутых» (bonding), то есть организованных по типу «мафий / кланов», с высоким порогом включения в сети доверия людей «со стороны», и «открытых» (bridging) — таких, которые обеспечивают априорное доверие к незнакомцам [1, С. 53].

В своей работе П.Л. Крупкин [2, С. 303–311] предложил общую концепцию структуры коллективных идентичностей (далее КИ). Согласно этой концепции практически каждая КИ содержит четыре базовых элемента: 1 «центральное место», географическое или сугубо символическое; 2 ценности / святыни («боги» локального сообщества); 3 ритуалы поддержания и укрепления идентичности / солидарности участников; 4 вклад участников в сообщество — материальный или символический. Помимо этого, группа с КИ обычно включает 5 ядро и периферию, зачастую структурированную по статусным уровням.

Белгородская локальная идентичность (в первом приближении) описывается следующим образом:

Центральное место: Соборная Площадь (бывшая Площадь Революции) в центре города. Представление о локальной географии: Белгород — центр региона, шире — Слобожанщины (второй центр последней и «центр притяжения» — Харьков). Харгора (Харьковская гора) — второй, «домашний полюс» Белгорода, в противовес (и дополнение) официальному центру — Соборной Площади.

Сакральные символы, ценности локальной идентичности: прежде всего могилы павших в Великой Отечественной войне. К данной категории, на наш взгляд, близко и более размытое, но устойчивое представление о том, что Белгородчина — «древняя земля» (символические места — дуб Петра Первого в пос. Дубовое Белгородского района, монастырь Святой Троицы XIV века в Холках Чернянского района и некоторые другие древности). В связи с этим

характерно также представление белгородцев о себе как о людях «рубежа»: сейчас это — граница с Украиной, но высокая степень близости и интегрированности населения приграничных российских и украинских регионов «оттеняет» архетипический характер данного представления, в котором особенно чувствуется историческая память о «засечной черте» XVI–XVII веков. Потому глубинное самоощущение белгородца, поддерживающее его престижную самооценку как представителя локального сообщества, — «мы на рубеже, и потому в некотором роде особые люди», ибо «все идет через нас».

Ритуалы воспроизводства белгородской КИ (по степени общности / значимости): (1) празднование 5-го Августа — Дня освобождения Белгорода от немцев в 1943 году, с кульминацией в виде праздничного фейерверка; (2) семейное посещение мест культурного отдыха, в последние годы — торговых центров «Сити-Молл» и «Рио», расположенных на выездах из города и выполняющих функцию комплексных культурно-развлекательных пространств; (3) частные выезды на дачи / охоту / рыбалку (мелкогрупповой ритуал, который, тем не менее, можно и следует широко обсуждать в местной неформальной коммуникации).

Пантеон героев: первый освободитель города танкист Попов; уроженец Белгородчины генерал Н.Ф. Ватугин; другие павшие герои войны, в значительной части безымянные (примеры — «Неизвестный летчик», чья могила находится в лесном массиве Пушкарное в черте города; воины, павшие в танковом сражении на Прохоровском поле и при освобождении Белгорода в 1943 г.). Следующий ряд почитаемых деятелей составляют епископ Святитель Иоасаф (Горленко), Петр I, Екатерина II.

Структура сообщества: ядро — губернатор (Е. Савченко) и его команда, плюс другие отдельные знаковые фигуры «по направлениям»: сельское хозяйство (В. Горин), искусство (Ст. Косенков), спорт (Г. Шипулин, С. Тетюхин, Ф. Емельяненко, С. Хоркина). Ядро сообщества играет важную роль в признании социального успеха белгородца — практически легитимирует успех своей реакцией на него. И «успешные» образуют еще одну подгруппу в сообществе, некое «гало» вокруг ядра. Граница же между «белгородскими» и «понаехавшими» выражена довольно слабо; зачастую, при наличии у последних достаточного социального капитала, она стирается «автоматически» по прошествии нескольких лет.

Как можно видеть из сопоставления результатов предварительного экспертного опроса, проведенного авторами в ряде российских регионов (помимо Белгорода, исследованием на данный момент охвачены Владимир, Нижний Новгород, Иркутск и Хабаровск) [3, 222-226], предложенное структурирование описания / представления коллективных идентичностей позволяет репрезентировать их достаточно единообразно

вне зависимости от конкретных типов. Мы предполагаем, что особо важную роль при формировании КИ играют ценности и святыни – те символы и артефакты, устойчиво наделяемые группой определенными чувствами и эмоциями, которые можно назвать сакральными.

Продуктом сакральных переживаний в рассматриваемом случае оказывается та самая любовь к городу / месту, которая отмечалась всеми экспертами при описании своих земляков. Сакральность переживается как чувство гордости за почитание окружающими людьми признанных святынь, стереотипов повседневности и как чувство негодования за их «поругание». Ею оказываются пропитаны и образ города в презентационных его частях, и избранные жителями артефакты/символы, и пантеон героев, и жизненный уклад (ритуалы повседневности) и, как следствие, стереотип характера среднего обывателя. Здесь можно также отметить, что в рамках предлагаемой нами концепции сакральная сфера структурно аналогична тем феноменам, которые могут быть определены как архетипы — социальные феномены на основе врожденных форм [4, 272–275.]. Для таких феноменов оказывается, что у каждого индивида есть некая врожденная форма / способность, которая «заливается» конкретным содержанием при его социализации, зачастую еще в детском возрасте. При этом, как считает С.В. Рязанова, «содержательное заполнение формальных рамок того или иного архетипического образа необходимо подчиняется логике повсеместного присутствия социального начала» [5, 68.]. Данное содержание как-то эволюционирует в течение всей жизни индивида, согласуясь с таковым у других носителей. Наряду с сакральной сферой наличие такой врожденной формы обнаруживается для родного языка, чувства справедливости и других социальных феноменов.

Таким образом, социальность в ее фило- и онтогенезе коренится в сакральных основаниях человеческой жизни, синкретически интегрирующих чувственно-эмоциональные переживания священного (на уровне индивидуальной психики), коллективные ценностные представления об идентичности (на уровне культуры) и социальные нормы солидарности с санкциями за их соблюдение/нарушение (на уровне общества). Любые сложные социальные структуры конструируются на этой основе и питаются энергией соответствующих мотиваций. Игнорирование последних, напротив, неизбежно ведет к фиаско социальных групп и общностей. Данное обстоятельство следует, в первую очередь, учитывать при подготовке и реализации крупных социоинженерных проектов, например, связанных с ресоциализацией традиционных религиозных институций в «постсекулярных» обществах, или направленных на укрепление гражданской солидарности через конструирование различных вариантов «гражданских религий».

Литература

1. Полищук Л., Меньшев Р. Экономическое значение социального капитала // Вопросы экономики. – 2012. – № 12. – С. 46-65.
2. Крупкин П.Л. Эволюционная теория архетипов Юнга: архетипические моменты в структуре коллективной идентичности // ПУ (Публичное управление: теория и практика: Сборник научных работ Ассоциации докторов наук государственного управления). № 3–4. Харьков: Изд-во «ДокНаукДержУпр», 2010. [Электронный ресурс] url: <<http://modernity-centre.org/2010/07/27/kroopkin-115/>>.] (дата обращения 01.03.2014)
3. Крупкин П.Л., Лебедев С.Д. К сакральным основаниям локальных идентичностей в современной России: опыт структурного анализа // Социологический журнал. – 2013. – № 4. С. 35-48.5. Крупкин П.Л. (2013) Архетип сакральности // Публичное управление: теория и практика: сборник научных трудов Ассоциации докторов наук государственного управления: Специальный выпуск. – Х.: Изд-во “ДокНаукДержУпр”, 2013. – 280 с. [Электронный ресурс] url: <http://modernity-centre.org/2013/05/17/kroopkin-137/> (дата обращения 01.03.2014).
4. Крупкин П.Л. Архетипы социальности // Публичное управление: теория и практика: Сборник научных трудов Ассоциации докторов государственного управления: Специальный выпуск. Харьков: Изд-во “ДокНаукДержУпр”, 2012. [Электронный ресурс] url: <http://modernity-centre.org/2012/06/23/kroopkin-131/>.(дата обращения 01.03.2014); Крупкин П.Л. Архетип сакральности // Публичное управление: теория и практика: Сборник научных трудов Ассоциации докторов наук государственного управления: Специальный выпуск. Харьков: Изд-во “ДокНаукДержУпр”, 2013. [Электронный ресурс] url: <<http://modernity-centre.org/2013/05/17/kroopkin-137/>>(дата обращения 01.03.2014).
5. Рязанова С.В. Светские формы современной религиозности: эволюция социального мифа // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2011. – Вып. 11. – С. 64–79.

Крупская О.Л.,

научный руководитель Бросова Н.З.

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия*

СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ДИСТАНЦИОННО-ВИРТУАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ В РАМКАХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Традиционное (классическое) университетское образование в условиях информатизации общества приобретает новые черты. Если до конца XX века его основным форматом был непосредственный контакт преподавателя и студентов в университетских аудиториях, то в XXI веке уже повсеместно наблюдается тенденция к дистанционно-виртуальному